История

УДК 94(39)“001/009”:316.6

EDN: ABZXSC

Римское общество эпохи Принципата: ценности и нормы поведения

Н.А. АРТЮШКО

В статье анализируется римское общество эпохи Принципата, рассматривается его социальная структура, принятые в нём ценности и нормы поведения. Особое внимание уделяется роли аристократии, влиянию греческой культуры, месту женщин и институту клиентелы. Исследуется рост интереса к образованию и философии, а также изменения в эстетических предпочтениях и значении искусства в среде римской аристократии.

Ключевые слова: Римская империя, аристократия, нобилитет, ценности, *mos maiorum*, *amicitia*.

The article analyzes the Roman society during the Principate, examining its social structure, values, and rules of conduct. Special attention is given to the role of the aristocracy, the influence of Greek culture, the position of women, and the institution of clientela. It explores the growing interest in education and philosophy, as well as the changes in aesthetic preferences and the significance of art within the Roman aristocracy.

Keywords: Roman Empire, aristocracy, nobility, values, *mos maiorum*, *amicitia*.

Римское общество в эпоху Принципата, охватывающую период с I в. до н. э. до III в. н. э., представляет собой сложную социальную структуру, в которой сохранялись элементы старого общинного уклада. Эти элементы находили отражение в различных аспектах социальной жизни, включая нормы поведения, которые особенно ярко проявлялись в аристократической среде. Аристократия выступала носителем консервативной модели поведения и системы ценностей, известной как «*mos maiorum*», что в переводе с латинского означает «обычаи предков».

До II в. до н. э. центральным ориентиром моральных ценностей в римском обществе служил так называемый «моральный кодекс», который включал в себя такие характеристики, как благочестие (*pietas*), верность (*fides*), серьёзность (*gravitas*) и твёрдость (*constantia*). Эти качества объединялись под понятием *virtus*, которое подразумевало не только военное мужество, но и добросовестное исполнение гражданского долга [1, с. 116]. Важно отметить, что *virtus* не ограничивалась лишь военной доблестью, но также охватывала моральные и этические аспекты поведения гражданина.

Исследователи часто описывают римское общество как «культуру воинов», в которой элита выделялась благодаря ценностям воинской доблести. Высшее сословие стремилось поддерживать высокие стандарты мужества, славы и чести, а также военного мастерства. Эти черты не только определяли различия между сословиями, но и легитимизировали элиту, поскольку военное превосходство считалось необходимым для защиты низших классов [2, р. 15–16]. В этом контексте важно учитывать, что военная доблесть служила не только средством достижения личной славы, но и основой социальной стабильности.

Вопрос о месте добродетелей в сознании римлян также представляет интерес. В литературной традиции понятие *virtus* впервые появляется в III в. до н. э., а на монетах – лишь в последнем веке Республики. Развитие культа *virtus* связано с увеличением греческого влияния на римскую культуру. Однако существуют и альтернативные мнения. Например, австрийский историк Альфред фон Домашевский видел в часто цитируемом отрывке из Аттических ночей Авла Геллия (*Noctes Atticae*, XIII, 23, 1–2) упоминания добродетелей соответствующих богов, что может свидетельствовать о более глубоком корне этих понятий в римской традиции [3, s. 144].

Особое внимание в римском обществе уделялось верности своей общине, её богам и служению государству, что олицетворяло патриотизм. Для женщин центральной ценностью считалось целомудрие. Моральный кодекс не только определял идеал личности, но и служил

основой для поддержания хороших отношений с богами и сохранения божественного порядка. Отклонения от этого кодекса воспринимались как угроза, способная разрушить устоявшуюся систему общественных отношений.

С нарастанием чужеземного, особенно эллинистического, влияния, наблюдается распространение противоположных добродетелям черт – пороков. Ярким примером реакции на этот процесс является цензура Катона, который, несмотря на достойную конкуренцию, был избран на должность цензора. Это свидетельствует о поддержке его идей среди широких слоёв римского общества. В своей «предвыборной программе» Катон акцентировал внимание на восстановлении *prisci mores* и борьбе с «гнусными новшествами» (*nova flagitia*), указывая на рост чужеземного влияния и стремление к роскоши как на основные причины упадка нравов [4].

В римском обществе пороки, такие как алчность (*avaritia*), расточительность (*luxuria*), высокомерие (*superbia*) и свирепость (*crudelitas*), считались основными негативными чертами. Катон в своём произведении «Об обычаях» указывает на алчность и расточительность как на корень всех зол. Саллюстий, в свою очередь, утверждает, что безрассудное стремление к власти (*ambitio*) и его преобладание над древнеримскими добродетелями стали причиной упадка государства, возлагая вину на нобилитет, захвативший власть. Он подробно описывает пустые траты и стремление к роскоши среди нобилитета, которые, по его мнению, привели к плачевным последствиям. Однако Саллюстий рассматривает *ambitio* как менее порочную черту по сравнению с алчностью, поскольку она связана с деньгами и материальными ценностями, что делает её более беспредельной [5, с. 34].

Все перечисленные пороки составляют понятие *nova flagitia* (гнусные новшества). Если добродетели направлены на поддержание блага государства, то *flagitia* представляют собой эгоистическое стремление к личной выгоде и удовлетворению собственных интересов. Таким образом, *nova flagitia* можно рассматривать как искажённые добродетели, служащие новым целям. В результате возникают новые оппозиции: для *avaritia* – бережливость и экономия (*parsimoni**), для *luxuria* – щедрость (*munificentia*), для *ambitio* – древняя жажда славы (*gloria*), для *crudelitas* – строгость и суровость (*severitas*), для *superbia* – влияние (*gravitas*) [6, с. 222].

Сергей Львович Утченко выделяет две шкалы римских ценностей: парадигматическую и синтагматическую. Обе шкалы основаны на противопоставлениях, однако в парадигматической шкале эти противопоставления антонимичны, то есть выражают отношения «хороший-плохой», как в приведённых выше примерах. Синтагматическая шкала, напротив, основывается на противопоставлении понятий, которые встречаются в процессе, как в схеме «вызов-ответ» или «общество-индивид». Это последнее противопоставление стало основой новой римской системы ценностей [4, с. 19–33].

В качестве примера можно рассмотреть трактат Цицерона «Об обязанностях», который посвящён нравственно-прекрасному (*honestum*) и полезному (*utile*), а также конфликту между этими двумя качествами. Цицерон утверждает, что в случае конфликта всегда должно преобладать нравственно-прекрасное. Он отмечает, что при обсуждении поступка может возникнуть сомнение в его нравственной ценности, однако важно также рассмотреть, способствует ли этот поступок благосостоянию и благополучию. Цицерон подчеркивает, что когда полезное и нравственно-прекрасное вступают в противоречие, это вызывает внутренние сомнения и мучительные размышления (Cic., *de off.* 1.III. 9).

Цицерон в своём трактате «Об обязанностях» излагает учение о обязанностях достойного гражданина (*vir bonus*), обращаясь не только к выдающимся личностям, но и к любым честным гражданам. Он подробно описывает обязанности (*officia*) идеального римлянина и его характерные черты (*virtutes*). В начале первой книги Цицерон утверждает, что в каждой сфере жизни существуют свои обязанности и каждая обязанность представляет собой стремление к высшему благу. Он подчеркивает, что человек, который определяет высшее благо как нечто, не имеющее отношения к доблести, и измеряет его своими выгодами, не сможет служить ни дружбе, ни справедливости, ни щедрости. Например, если человек считает высшим злом боль, он не может быть храбрым, а если высшим благом – наслаждение, то он не будет воздержанным (Cic., *de off.* 1.II.).

Как отмечает С.Л. Утченко, Цицерон намерен учитывать не столько парадигматические противопоставления, такие как *honestum – turpe*, сколько синтагматические, например, *honestum – honestius* и *utile – utilius* [4, с. 19–33]. Это подчеркивает его подход к пониманию обязанностей и добродетелей как динамичных и контекстуальных.

Формирование нового режима – империи – оказало значительное влияние на систему ценностей. В условиях нарастающего чужеземного влияния и завершения гражданских войн на первый план вышли моральные нормы замкнутой гражданской общины и космогоническая мораль. К традиционным чертам «морального кодекса» добавились такие качества, как справедливость (*iustitia*) и милосердие (*clementia*). Последнее имеет политический подтекст и используется в контексте милости правителя к своим подданным [7].

Система ценностей продолжала сохранять не только моральный, но и политический контекст. Это объясняется важной ролью политики в жизни гражданина. Политический облик человека не мог быть отделён от его ценностей, поскольку общественные нормы требовали соответствия между личным поведением и принятыми моральными стандартами. В связи с этим многие политические деятели стремились уличить своих конкурентов в неприемлемом поведении, выставяя их пороки на показ и тем самым укрепляя свои позиции в обществе.

В I–III вв. н. э. в римском обществе наблюдается смена скромности и простоты ранне-республиканского периода на стремление к достойному материальному состоянию и получению удовольствий. В то же время всё большее значение приобретают такие качества, как образованность и учёность, которые сначала проникают в сознание римских императоров, а затем и их окружения. В «Сатириконе» Петроний утверждает: «наука, друг, сокровищница мыслей, ремесло ввек не умрёт» (*Sat.* 46).

Рост роли образования и науки приводит к ускорению служебной карьеры, что, в свою очередь, порождает прагматический подход к выбору направления образования, например, предпочтение юридического образования риторическому. В период ранней империи интерес к философии постепенно угасает, о чём также упоминает Петроний: «Где же диалектика? Где астрология? Где мудрейший путь учености? Кто нынче приходит в храм и дает обет, чтобы преуспеть в красноречии? Кто чтобы коснуться истока философии?» (*Sat.* 88 – Пер. А.В. Павлова).

В это время возникает любовь к эстетике, искусству и красоте, которые ранее не вызывали живого интереса. Также изменяется представление о «свободе»: она перестаёт быть привязанной к физическому или юридическому положению человека и начинает рассматриваться с духовной точки зрения [1, с. 114–126].

Одним из ключевых компонентов системы ценностей в римском обществе была «дружба» (*amicitia*). Верность другу и готовность оказать поддержку в любых обстоятельствах – это качества, которыми должен был обладать истинный римский гражданин (*vir bonus*) [8, с. 227]. Институт дружбы представляет собой важнейший элемент общественных отношений в архаических обществах. Дружеские связи играли значительную роль в жизни каждого члена древнеримской общины. Основными особенностями этого института были *amicitia* и клиентела, которые совместно обеспечивали знатым римлянам политический вес и определяли их политическую ориентацию и карьерный рост.

Amicitia, как одна из ключевых составляющих римских аристократических ценностей, играла важную роль в создании и поддержании внутренних связей среди нобилитета. Друзья, объединённые этой дружбой, не только разделяли общие интересы, но и предоставляли друг другу поддержку и влияние в политической сфере [9, с. 6]. Эти дружеские связи способствовали укреплению общественных и политических структур, поскольку важные решения часто принимались на основе рекомендаций и поддержки друзей. Таким образом, *amicitia* формировала индивидуальные карьеры нобилей и оказывала влияние на коллективные решения аристократии в целом.

Часто эти связи носили местнический характер, и их устойчивость свидетельствует о том, что общинные черты продолжали пронизывать государственную систему. Ярким примером таких отношений является письмо Плиния Младшего к другу Роматию Фирму, в котором он выражает готовность подарить другу 300 тыс. сестерций для достижения всаднического ценза, подчеркивая: «Ты мой земляк, мы вместе учились и дружим с ранних лет» (*Plin. Minor, Ep., I, 19.* – Пер. М.Е. Сергеевко).

С приходом Октавиана Августа к власти после победы в гражданской войне и установлением режима принципата открытое политическое соперничество среди нобилитета было прекращено. В результате дружеские союзы римской знати утратили свой политический характер и стали частью личной жизни и философского досуга, хотя в некоторой степени сохраняли аристократическую оппозицию принципату [10, с. 138].

Тем не менее, дружеские связи продолжали играть значительную роль в общественно-политической жизни римского общества. С изменением политической обстановки они, видоизменяясь, стали основой для формирования придворных группировок и способствовали личному карьерному росту [11, с. 141].

В этих условиях особое значение приобрело дружеское окружение принцепса. Используя право рекомендации кандидатов на выборах, принцепсы фактически заполняли все важнейшие посты в Римском государстве своими ставленниками. Даже статус друга принцепса обеспечивал значительное положение в обществе. Ярким примером этого является Меценат и Саллюстий Крисп, о котором Тацит сообщает, что он будучи всадником «превзошёл могуществом многих» (Тас. Анн., III, 30. – Пер. А.С. Бобовича).

При этом политика «протекционизма» не вызывала значительного недовольства внутри аристократического сообщества, поскольку подобное поведение укладывалось в рамки традиционных представлений о дружеских обязательствах [8]. Таким образом, дружба и личные связи продолжали оставаться важными инструментами в политической жизни Рима, способствуя как индивидуальному успеху, так и поддержанию стабильности в обществе.

Таким образом, римское общество эпохи принципата представляет собой сложную и многослойную структуру, в которой сохранялись традиционные ценности, но также наблюдались значительные изменения под влиянием различных факторов, таких как политическая нестабильность, культурные заимствования и социальные изменения.

Аристократия продолжала играть ведущую роль в обществе, однако её ценности и нормы поведения подвергались критике и переосмыслению в новых общественно-политических условиях.

Литература

1. Перфилова, Т. Б. Место образованности в аксиологической шкале римлян эпохи Принципата (по произведениям сатириков I–II вв.) / Т. Б. Перфилова, О. А. Сидло // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 1-2 (38). – С. 114–126.
2. *Aristocracy in Antiquity : Redefining Greek and Roman Elites* / G. Bradley [et al.] ; ed.: N. Fisher, H. van Wees. – Classical Press of Wales, 2015. – 400 p.
3. *Domaszewski, A. Abhandlungen zur römischen Religion* / A. Domaszewski. – New York : Arno Press, 1975. – 240 p.
4. Утченко, С. Л. Две шкалы римской системы ценностей / С. Л. Утченко // Вестник древней истории. – 1972. – № 4 (122). – С. 19–33.
5. Утченко, С. Л. Ещё раз о римской системе ценностей / С. Л. Утченко // Вестник древней истории. – 1973. – № 4 (126). – С. 30–47.
6. Утченко, С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи / С. Л. Утченко. – М., 1969. – 326 с.
7. Багрова, А. М. Цицерон о *clementia* / А. М. Багрова // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2023. – № 2 (47). – С. 75–80.
8. Портнягина, И. П. Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата : совет друзей принцепса / И. П. Портнягина // Мнемон : Исследования и публикации по истории античного мира – 2003. – № 2. – С. 227–240.
9. Телепень, С. В. К вопросу о корпоративных связях и ценностях римского нобилитета / С. В. Телепень // Современная научная мысль. – 2016. – № 3. – С. 5–11.
10. Егоров, А. Б. Римская аристократия, её сущность и историческая роль / А. Б. Егоров // Нобилитет в истории Старой Европы ; под ред. С. Е. Фёдорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2010. – С. 120–138.
11. Вержбицкий, К. В. Кружки интеллектуалов в ранней Римской империи как форма аристократической оппозиции принципату / К. В. Вержбицкий // Нобилитет в истории Старой Европы ; под ред. С. Е. Фёдорова. – СПб. : Изд. СПбГУ, 2010. – С. 139–151.